

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1 (075.8)

КРИТЕРИИ СОВРЕМЕННОГО ПАРАИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹

CRITERIA PREISTORIA MODERN DISCOURSE

Г.Н. Калинина, О.Н. Римская
G.N. Kalinina, O.N. Rimskaia

Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: galakalinina@inbox.ru

Аннотация. В статье концептуализируется феномен параистории и его деструктивная роль для культурно-исторического сознания молодежной аудитории нашей страны, на фоне специфики существования паранаучной субкультуры в сегодняшнем культурном контексте представлен аспект критической рефлексии аксиологических парадоксов параистории в российской исторической науке.

Resume. In this article the phenomenon paraistorii and its destructive role in cultural-historical consciousness of our country's youth audience, against the backdrop of the specificity of the existence paranauchnoj subculture in today's cultural context before it aspect of critical reflection axiological paradoxes in the Russian paraistorii historical science.

Ключевые слова: российская история, историческая наука, параистория, паразнание, искажение, механизм противодействия, искажение, фальсификация, историческое сознание, молодежь, научный этос.

Key words: russian history, historical science, paraistoriâ, paraznanie, distortion, mechanism, distortion, falsification, historical consciousness, youth, scientific ethos.

Ранее, в ряде публикаций, мы уже предпринимали попытку целостной рефлексии аналитики и критики паранаучного феномена - «альтернативной» исторической науки, в связи с чем раскрывали негативную роль параисторической продукции, подчеркивая деструктивную миссию феномена фальсификации для исторического сознания россия [Калинина, 2016: 231-234, Калинина, Римская: 235-239 и др.]. Рассматривая феномен параистории и его негативное воздействие на состояние культурно-исторического сознания молодежной аудитории нашей страны, необходимо определиться по исходным ключевым категориям, выражающих этот сложный, неоднозначный и отчасти парадоксальный феномен. Сразу заметим: являясь частью паранаучного массового «движения» он присущ не только российской истории, но и сопровождает всю историю культуры и науки.

Примечательно, что в контексте проблемы искажения и фальсификации российской истории «отечественные ученые М.А. Барг, В.С. Библер, А.В. Гулыга, А.Я. Гуревич, А.И. Данилов, Н.В. Дорошенко, В.В. Иванов, Н.Л. Коган, Н.Г. Козин, И.С. Кон, П.В. Копнин, В.В. Косолапов, А.Л. Нарочинский, М.В. Нечкина, Т.И. Ойзерман, И.Г. Петров, В.М. Подсетник, А.И. Ракилов, Н.П. Французова, К.В. Хвостова и многие другие исследователи проблему истинности, достоверности исторического знания... исследуют, исходя из специфики самой исторической науки» [Рашина, 2005: 5].

Наиболее зримо проблема фальсификации исторических фактов, их различных модификаций так или иначе нашла свое освещение в трудах современных от А.Ананьева А.Н. Артизова Ю.Н. Афанасьева Ю.Б. Борева Ю.Ю. Вейнгольда, В.К. Егорова, А.Ф. Зотова, В.В. Кожина, В.П. Козлова Н.И. Морозовой, А.С. Панарина, О.И. Платонова, А.И. Раздорского, В.И. Семенова, В.В. Широнова Н.В. Щербень, И. Цапенко и др. Причем, как мы писали ранее, «Большинство названных исследователей в качестве основной причины фальсификации называют выполнение историками «социального заказа» со стороны псевдополитики и псевдоидеологии, указывая на недопустимость фальсификационных процедур в гуманитарном знании в роли ценностно-мировоззренческих догм» [Рашина, 2005]. На этом фоне выделяются работы Вадима Кожина, известного историка, литературоведа (например, «Россия. Век XX (1901-1939)», где рефлексии

¹ Статья выполнена при поддержке конкурса на соискание грантов на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям социально-экономического развития Белгородской области 2016-17 гг.

подвергается история нашей страны периода от 1901 года до «загадочного» 1937-го; также его книга «Россия. Век XX (1939-1964)», посвященная исследованию истории «Великой Войны» (в терминологии автора) и вскрытию «истинных причин» этого глобального события в истории мировой и отечественной культуры [Кожин, 2005]. По словам самого автора, это попытка дать «... опыт беспристрастного исследования», в котором сам автор реализует задачу увидеть и осмыслить многообразные явления в судьбе страны не с точки зрения идеологических тенденций, а в свете всего ее более чем 1000-летнего пути [Кожин, 2005: 4]. Назовем и работу В.П. Козлова «Тайны фальсификации», в которой выявляются мотивы создания «фальшивок» раскрываются многочисленные жанры фальсификаций в самые разные исторические периоды.

Разумеется, не обошли стороной данную сферу и зарубежная мысль - существенный вклад в разработку моделей интерпретации истории внесли А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Ницше, В. Дильтей, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, а так же Х. Г. Гадамер. «В подходе к интерпретации истории они, вслед за романтиками и Ф. Шеллингом, придерживались и отстаивали преимущественно иррациональное направление, акцентируя внимание прежде всего на необходимости так называемого «жизненного порыва», иррациональной интуиции, религиозного озарения» [Рашина, 2005: 4-5]. Кроме того, нельзя не сказать, что «В контексте вопросов, связанных с особенностями гуманитарного знания, проблема объективности исторического факта ставится в рамках философии ряда зарубежных авторов (К.Г. Гемпель, Л. Витгенштейн, К. Поппер, Э. Нагель, М. Уайт), которые предприняли одну из первых попыток сконструировать логическую схему исторического объяснения. Для названных авторов характерно рассмотрение исторического познания в свете общих логических законов. Л. Витгенштейн, в частности, ставил достоверность знания в зависимость от альтернативных концептуальных схем, выступающих в форме глубинной грамматики языка» [Рашина, 2005: 5].

Со своей стороны, проиллюстрировав фальсификации, искажения исторических фактов мы рассматриваем сквозь призму противоречия. Его можно резюмировать так. Это противоречие «между недостаточным философско-теоретическим осмыслением, методологической разработанностью проблемы недопустимости произвольных модификаций, фальсификации исторических фактов и практической значимостью решения этой задачи не только для социальной репутации и культурного статуса социально-гуманитарной науки и философии, для становления культурно-исторического сознания молодого поколения и преодоления негативных явлений в духовной и культурной жизни общества» [Рашина, 2005: 6].

Теперь целесообразно сконцентрироваться на феноменах нашей истории и культуры - «паранаука» и «параистория» (как часть первой).

Обратившись к понятию «паранаука» мы увидим следующее. Принято считать, что перед нами некое учение, претендующее на научный статус, но не укладывающееся в принятые научные стандарты, не удовлетворяющее универсальным требованиям «науки в собственном смысле». Практика паранаучных типов знания опирается на внерациональные или иррациональные основания - на мистические обряды и ритуалы, мифологические и религиозные представления [Калинина, 2015: 23-31]. Мы, со своей стороны, идентифицируем паранауку в качестве субкультуры (и соответственно, параисторию оцениваем с таких позиций). «Паранаучная субкультура включает в себя три основных момента: а) создание образцов паранауки, заимствуя формы знания древности, средних веков и Возрождения (миф, алхимия, каббалистика, астрология, магия); б) перенос образцов рационального знания и научного мышления на области духовного опыта личности; в) формирование сообщества параученых, его идентичности и символических репрезентаций, включая рефлексию их творчества и идеологическую пропаганду псевдонаучного видения мира» [Калинина, 2016: 10-11]. Уточняя типические «опознавательные» признаки паранаучного дискурса мы предлагаем в качестве такого рода различителей такие как: «размытость рациональной составляющей; допущение в своих построениях вне- и иррациональных компонентов, выходящих за рамки рефлексивного анализа; неприятие конструктивной научной критики и экспериментальной проверки; апелляция к факту условности и плюрализма научных норм; претензии на научный статус и узурпация традиционного авторитета науки с целью реализации нетрадиционных социокультурных инноваций и технологий; эпатажность манифестирования парапродукции, рассчитанной на массового потребителя» [Калинина, 2016: 10-11].

Современному распространению паранауки в значительной мере способствовали условия, порожденные «наукой в собственном смысле». В этом отношении можно сказать следующее. Во-первых, общие условия для распространения паранауки возникли в результате глубоких объективных процессов перехода к новому идеалу научности (а переходные состояния, как правило, содержат в себе момент неопределенности.) Во-вторых, к размыванию границ между наукой и паранаукой «причастен» гиперкритицизм современной теории науки, утонченная теоретико-научная рефлексия, у истоков которого стояла борьба неопозитивистов за «чистоту науки». В-третьих, характерные черты формирующегося идеала научности имеют определенное сходство с паранаукой, что так же способствует распространению паранауки. Наконец, современная наука как замкнутая элитарная самоорганизующаяся система при внедрении получаемых результатов в различные сферы общественной деятельности не может все же не адаптироваться к уровню непрофессионального мышления и нормам обыденного мироотношения.

Каков же суммарный вывод из сказанного выше? Первое, что нужно заключить из сказанного, это то, что в результате сама наука порождает особые формы своего «инобытия», которые впоследствии принимаются массовым общественным сознанием за альтернативную форму познания с

более широкими возможностями по сравнению с традиционными. К сожалению, приходится признать очевидное: подобные тенденции имеют место и в России, знаменуя, по утверждению ряда теоретиков, не что иное, как «возникновение нового типа культуры». [Вопросы философии, 2001. № 6: 4]. Мы бы уточнили - паранаука и параистория как ее «частный случай» - это специфическая современная субкультура, нагруженная деструктивной «миссионерской» деятельностью.

Казалось бы, по мере развития социума в сторону цивилизованности, а следовательно, и рациональности, всевозможные суеверия, предрассудки в значительной мере порождающие псевдонауку, должны постепенно исчезать. Но складывается иное положение. Так, все более распространяется и утверждается точка зрения о ненужности «пафоса поиска истины в науке», и псевдонаучные изыскания перемещаются в связи с этим с периферии культуры в центр ее, переставая называться псевдо, паранаучными. Очевидно и другое: подобный сдвиг общественного сознания в сторону оккультизма, восприимчивость общественного сознания к вне и иррациональной мотивации существенно сужают поле возможностей научной рациональности. Последнее, на наш взгляд, очень важно подчеркнуть.

Не преувеличивая масштабность и деструктивную «миссию» парапродукции (особенно на историческую, столь популярную тематику, освещающую прошлое нашей страны), мы особенно остро реагируем на общий минус данной продукции – недостаточную научную концептуальность и отсутствие «чувства личной ответственности» автора как субъекта научной деятельности. При чем отдельным вопросом мы бы обозначили этический аспект и вопрос нравственности ученого – речь о дефиците «морального аргумента» у авторов парапродукции). А сами негативные проявления феномена паразнания, параистории связаны с размыванием критериев истинности, правды, подлинной ценности. Это влечет за собою слом экспертных барьеров на пути тиражирования такого рода информации, когда, например, «публикуется что угодно – малограмотный лепет, бредовые идеи, неоглядное множество серых, компилятивных текстов, сработанных в той же «версальной» манере, когда ничего нельзя ни доказать, ни опровергнуть» [Вопросы философии, 2003. № 12: 9].

Мы разделяем позицию ученых, которые подчеркивают опасность данной тенденции, рассматривая ее в более широком контексте разгула «магизма», иррационализма, оккультизма в современной культурно-творческой деятельности. Надо сказать, оккультизм - это крайняя часть спектра «магизма» в современной культуре, ну а, скажем так, более «сдержанные» формы «магизма» оккультуют в себе «сверхестественное» с привлечением религиозно-мистических учений. Далее следует смесь околонуучных и мистических воззрений с философским уклоном, к которой примыкают области, где размыты границы между наукой и псевдонаукой, причем последняя подпитывается трудами ученых, увлеченных паранаучными идеями, которым трудно что-либо противопоставить. Не менее опасны данные тенденции и для исторического сознания молодежи в данном контексте обратим внимание, что «проблему феномена параисторического знания, претендующего на роль «альтернативной истории», мы связываем с противоречием между недостаточным философско-теоретическим осмыслением задачи недопустимости произвольных паранаучных процедур в гуманитарном (историческом) знании и практической значимостью решения этой задачи для социальной репутации и культурного статуса российской исторической науки» [Калинина, 2016: 231].

В таких реалиях совершенно необходимы определенные шаги в данном направлении, в связи с чем в качестве одного из них мы возлагаем определенные надежды на выработку «эффективного механизма противодействия параисторическим потокам, искажающим и фальсифицирующим факты российской истории, не увенчаемая успехом без апелляции к историческому сознанию наших соотечественников, особенно к молодежной аудитории. Ведь вряд ли стоит оспаривать, что историческое сознание с его уникальным, величайшим потенциалом – исторической памятью – играет огромную роль в конструировании собственной идентичности. А без этого чувства обществу неизбежно столкнется с угрозой собственного внутреннего перерождения с последующей деградацией» [Калинина, Римская, 2016: 239]. Разумеется, отмеченные нами негативные процессы касаются лишь некоторых измерений социокультурной реальности. Подобные явления, как правило, «оживляются» на рубежах тысячелетий, при смене эпох, закономерно порождая в массовом сознании нечто нетрадиционное, трансцендентное и мистическое. И это не случайно: иррациональное начало выступает обязательным компонентом индивидуального сознания, в силу чего всегда присутствует как в массовом, так и в элитарном общественном сознании. В данном отношении иррационализм является спутником «здорового смысла», меняя свой удельный вес в сознании общества, форму своего выражения и свои конкретные функции.

В настоящее время можно с достаточной уверенностью говорить о том, что в сфере паранаучного знания произошел не только количественный, но и качественный скачок: получила законченное оформление внутренняя самоорганизация параисторического сообщества, которое разрослось и живет своей жизнью со своими собственными корифеями и светилами, завоевав при этом свое место в качестве важной составляющей в спектре основных компонентов общественного сознания. Коллектив авторов параистории подразделяется на ряд групп, некоторые из которых определяют характерные особенности и типологические черты основных ее жанров, другие же относятся к периферийным. Основной жанр параистории представлен экспансией представителей «точных наук» в гуманитарную сферу [Рашина, 2005: 19].

Профессионалы-ученые, выходящие за пределы своей специальности, некритически усваивая факты разных источников вне реального контекста, произвольно соединяя их в причудливые конструкции, размывают границы между областями «науки» и «паранауки». Свободно манипули-

руя материалом своей базовой дисциплины, автоматически используя фильтры, ограничивающие информационный разброс, такие авторы нередко переносят эту свободу и на другие области, как бы «не замечая» при этом, что связанные с ней коннотации могут обладать совершенно иной природой. В результате возникают «фантомные» концепции, получающие широкое распространение в силу своей экзотичности и, следовательно, сенсационности.

Совершенно понятно: паранаука в целом и параисторические исследования, в частности, представляют собой серьезную опасность для академической науки хотя бы уже потому, что претендуют на роль основополагающего источника в отношении всех прочих секторов исторического знания. Но что еще более существенно – это то, что опасность параисторических изысканий состоит в том, что на фоне подобных фантастических решений серьезных историографических проблем сложные, неоднозначные концептуальные построения академических ученых могут выглядеть для «среднего», «рядового» читателя исторической литературы по меньшей мере попыткой запутать его и увести в наукообразные «дебри». Тем самым затрудняется преодоление кризиса исторической науки, ставится под вопрос ее авторитет в обществе и доверие к ней со стороны широких масс, которые и должны являться главными потребителями качественного исторического знания.

В целом же в одном из ее решений задача оздоровления культурно-исторического сознания россиян, молодежной аудитории нашей страны видится нам на пути не огульной критики парафеноменов и паразнания. Но в консолидации междисциплинарных усилий нестандартно мыслящих исследователей, способных объективно отразить ситуацию и предложить адекватные решения по выходу из нее.

Список литературы References

1. Калинина Г.Н. Параистория и ее претензии на звание «альтернативной науки» / Материалы Всероссийской научно-практической конференции Наука. Культура. Искусство. «Актуальные проблемы теории и практики (25-26 февраля 2016 г.). Белгород, 2016. С. 231-234.

Kalinina G. N. Praetoria and its claim to the title of "alternative science" / Materials of all-Russian scientific-practical conference Science. Culture. Art. "Actual problems of theory and practice (February 25-26, 2016). Belgorod, 2016. P. 231-234.

2. Калинина Г.Н., Римская О.В. Культурно-историческое сознание и экспансия параистории: угроза духовной безопасности / Материалы Всероссийской научно-практической конференции Наука. Культура. Искусство. «Актуальные проблемы теории и практики (25-26 февраля 2016 г.). Белгород, 2016. С. 235-239.

Kalinina G. N., O. V. Roman, the historical-cultural consciousness and the expansion of parahistory: threat of spiritual bezopasnosti / Materials of all-Russian scientific-practical conference Science. Culture. Art. "Actual problems of theory and practice (February 25-26, 2016). Belgorod, 2016. P. 235-239.

3. Калинина Г.Н. Паранаука: дискурс и субкультура Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 2 (199). – Вып. 31. Белгород, 2015. С. 23-31.

Kalinina G. N. Parascience: a discourse and a subculture Scientific sheets of BelSU. A series "Philosophy. Sociology. Right". – № 2 (199). – Vol. 31. Belgorod, 2015. P. 23-31.

4. Калинина Г.Н. Автореф. д.дисс. «Культурно-историческая феноменология паранауки. 24.00.01. Белгород, 2015. 45 с.

Kalinina G. N. Abstract. D. Diss. "Cultural-historical phenomenology of pseudoscience. 24.00.01. Belgorod, 2015. 45 p.

5. Калинина Г.Н. Философско-методологическая рефлексия донаучного знания как «прелюдии» науки // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Белгород, 2016. № 10 (231). Выпуск 36 С. 165-171.

Kalinina G. N. Philosophical and methodological reflection of pre-scientific knowledge as "refractive-DII" of science // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." Belgorod, 2016. No. 10 (231). 36 С. 165-171.

6. Кожин В.В. «Россия. Век XX (1939-1964). – М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Алгоритм», 2005. – 448 с. Kozhinov V. V. "Russia. The twentieth century (1939-1964). – М.: Publishing house "Eksmo" Publishing house "Algorithm", 2005. – 448 p.

8. Кожин В.В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

Kozhinov V. V. The History of Russia and the Russian word. Experience impartial research. – М.: Izd-vo EKSMO-Press, 2001. – 512 p.

9. Псевдонаучное знание в современной культуре (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2001. - № 6. - С. 4-9.

Pseudoscientific knowledge in modern culture (Materials of the "round table") // Questions of philosophy. – 2001. - № 6. - S. 4-9.

9. Рашина Г.Н. Философско-культурологические модели интерпретации исторического знания. Автореф. дис. 24.00.01. – Белгород, 2005. 22 с.

Rashina G. N. Philosophical and cultural models of interpretation of historical knowledge. Abstract. dis. 24.00.01. – Belgorod, 2005. 22 p.

10. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2003. - № 12. – С. 9-12.

New information technologies and the fate of rationality in modern culture (Materials of the "round table") // Questions of philosophy. – 2003. - No. 12. – P. 9-12.